

Из наблюдений над текстами Сборника Кирши Данилова

Обилие вопросов, связанных с историей и природой знаменитого Сборника Кирши Данилова, неизбежность гипотетических умозаключений, складывающихся в более или менее стройную версию происхождения этой народной книги, побуждает исследователей по сей день отрабатывать методический инструментарий, с помощью которого можно дать искомые ответы. В ряду материалов для сегодняшних и будущих отгадок безусловное первенство остается за анализом текстов произведений, составляющих рукопись «Древних российских стихотворений», — за анализом, предполагающим различные подходы к прочтению, то есть толкованию и пониманию частностей и целого в их взаимной соотносимости, освещении исполнительского искусства светом конкретных стилистических ситуаций, выявляющих своеобразие индивидуальной техники мастера фольклора, проливающих ясность на «темные места» книги, дошедшей до нас в копии (и, вероятно, не первой) и, значит, неизбежно требующей отсложения первичного текстового уровня от искажающих привнесений переписчиков-копиистов.

Так или иначе, текстологические раздумья исследователей над Сборником Кирши Данилова накапливаются в литературе, и это может быть показано на примерах исследовательских суждений, возникавших практически на полях работ, посвященных вовсе не Сборнику, но возникавших неизбежно — как стремление «отредактировать» рукопись «Древних российских стихотворений», имеющую алогизмы, обмолвки и сказительского и, может быть, писарского происхождения. Они требуют оценки в первую очередь.

* * *

В «Приложении» к «Исторической хрестоматии церковно-славянского и древне-русского языков»¹ Ф. И. Буслаев перепечатал отдельные произведения из издания К. Ф. Калайдовича «Древние российские стихотворения» (1818). Зоркий филолог, он обратил внимание на некоторые несообразности в песнях.

Былина «Калин-царь» имела в публикации строки:

А от пару было от конинаго,
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видит луча света белаго,

¹ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков. М., 1861.

А от духу Татарского
Не можно крещеным нам живым быть.²

Буслаев усомнился в верности третьей строки данного отрывка и заметил: «...не видеть: вероятно, ошибкою вм[есто] *не видать*».³ Хотя рукописный оригинал публикации был воспроизведен Калайдовичем безупречно,⁴ работа Буслаева несомненна, она подчеркнута синтаксисом следующего оборота с отрицанием («Не можно (...) живым быть»). Замечание было принято позднее, и, например, А. М. Астахова напечатала в серии «Литературные памятники» соответствующий стих в редакции:

*Не видеть луча света белого...*⁵

С точки зрения контекста произведения форма глагола, предложенная в «Исторической хрестоматии» («*не видать*»), обоснованнее; в былинном варианте находим:

Не дай Бог нам бывать ко Киеву,
Не дай Бог нам *видать* русских людей! (172).

Кроме того, версию Буслаева поддерживал текст напечатанной им песни из Сборника Кириши Данилова «Когда светел, радощен...» — о рождении Петра Великого, где имелся стих:

Не видали, как дни прошли, (202)

с той же глагольной модификацией при том же отрицании.

Но публикация в антологии Астаховой имеет под собой основание, и едва ли менее веское, если рассматривать контекст всего Сборника. Будучи практически идентичными в своем значении, но выполняя отчасти разные функции, связанные с ритмическим отличием и ориентированностью на разную потенциальную рифмованность, глаголы неодинаково представлены в книге.

«*Видать*» помимо двух указанных случаев встречаем в исторической песне «На Бузанае острове», в былинне «Алеша Попович», в сатирической песне «Дурень»:

...кто на море не бывал,
Морской волны *не видал*,
Не видал дела ратнова... (81);
...*Не видали* птицы перелетныя,
Не видали оне зверя прыскачова... (125);
...Вздумал он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей *видати*,
Себя казати... (261)

(Ср. идентичную рифменную связку также на с. 263, 265, 266, 268, где использовано то же общее место для конструирования строф).

«*Видеть*» и производные от него отглагольные формы абсолютно доминируют в Сборнике.

² Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, и вторично изданные, с прибавлением 35 песен и сказок, досель неизвестных, и нот для напева. М., 1818. С. 242-243.

³ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия... Стб. 1510.

⁴ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958. С. 398. Далее ссылки на это издание в тексте в скобках.

⁵ Илья Муромец / Подгот. текстов и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958. С. 77.

...Да и сам подлинно *видел*... (15);
 ...Как днем-та стрелачак *не видит*... (24);
 ...*Видеть* и пое(зд)ка молодецкая... (138);
 ...Чтобы *видеть* при пути-дороженьки...
 ...А и только видь матушка *видела*... (175);
 ...А и род-племя молодца
 Не могут *видети*... (203);
 ...Он *видит*, поп, неминучую свою... (287).

Особенно любима форма «увидеть»:

А *увидели* казаки
 Те карабли червленые... (82);
 ...Только его *увидели*,
 Что обернется гнедым туром... (105);
 ...Посмотри в раздолья широкая
 И *увидеши* в поле три бела шатра... (144);
 ...И только ево *увидели*,
 Как молодец за ворота выехал... (149);
 ...И *увидели* молода Касьяна сын Михайлович... (162);
 ...*Не увидел* старец он, Игрениша... (227);
 ...И *увидели* ево ребята десятильниковы... (228);
 ...А *увидел* сам старец Игрениша... (229);
 ...И *увидела* доброва молодца Илью Муромца... (241);
 ...Лишь только в зеленом саду *увидели*,
 Увидели новую диковинку...
 ...*Увидела* она белу руку... (250);
 ...А *увидел* за женой за своей...
 На повете чужова мужика... (279);
 Втапоры *увидели* Еким Иванович
 И калика перехожея... (129);
 ...И *увидел* на нем золот чуден крест... (129);
 ...И *увидел* Тугарин Змеевич Алешу Поповича (124).

Последние три примера взяты из былины «Алеша Попович», где равноценным для певца был и глагол «*видать*» (см. выше пример со с. 125).

Такого рода случаи есть в Сборнике Кирши Данилова и в других текстах, что уравнивает реконструктивное предложение Буслаева и поправку Астаховой:

...А слыхом их не слышать и видом *не видать*... (279);
 ...Ах, *увидели* Усы, молодые молодцы,
 А и ка(дь) большу, в чем пива варят... (281);
 ...А и ту[т] Сергей
 Не *видал* нико...
 А *увидел* он, Сергей,
 Чужова мужика... (46).

Из последних иллюстраций две взяты из песни «Усы, удалы молодцы», а две из баллады «Сергей хорощ».

* * *

При печатании в своей «Исторической хрестоматии церковно-славянского и древне-русского языков» текстов Кирши Данилова Буслаев указал сразу два дефекта текста «Когда светел, радошен...»: «Начало песни, вероятно испорчено, от того в первом предложении не достает сказуемого».⁶ Действительно, прочтение зачина выявляет пробел, явившийся, вероятно, веледствие несовершенства записи:

Когда светел-радошен
 Во Москве благоверной царь,

⁶ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия... Стб. 1512.

Алексей царь Михайлович:
 Народил Бог ему сына,
 Царевича Петра Алексеевича... (201).

После «Когда» либо между «светел» и «радошен» возможно была припение (сказывании) постановка глаголов «был», «стал», как это видим в сочетании с «радошен» в «Василии Буслаеве» и «Ермак взял Сибирь» (61, 89).

Тут же Буслаев констатировал ошибку во фрагменте:

...Сенная красная деушки
 Во всю ноченьку не спали:
Шинкарочку вышивали
 По белому рытому бархоту
 Оне красным золотом... (202).

Как он отметил, он выправил текст, дав явно подсказываемую замену: «шириночку» вместо нелепого «шинкарочку».⁷ Тем не менее в современных массовых изданиях поправка Буслаева игнорирована,⁸ а в изданиях академических исходное авторство этой поправки остается незафиксированным (619).⁹

* * *

Разумеется, предложения о конъектурах неизбежно подвергаются проверкам, и их путь в издания осложнен контрверсиями, которые подчас лишают достоверности гипотезы даже весьма авторитетных исследователей, не сумевших учесть всех особенностей подвергаемого критике текста.

Одно из таких предложений, имеющих двойное авторство, касается былины о Ставре из «Древних российских стихотворений».

В произведении переодетая грозным послом жена Ставра Василиса Микулишна демонстрирует киевскому князю и богатырям искусство стрельбы из лука:

Берет она во ту рученьку левую
 И берет стрелу каленую,
 Та была стрелка булатная,
 Вытягала лук за ухо,
 Хлес(т)нет по сыру дубу —
 Изломал ево в черенья ножевая;
 Спела титивка у туга лука, —
 И Владимир-князь окарач наползался,
 И все тут могучия богатыри
 Встают, как угорелыя.
 [В]звыла да пошла калена стрела
 Угодила в сыр крековистой дуб,
 Изломала в черенья ножевая,
 И говорил посол таково слово:
 «Не жаль мне сыра дуба крековистова,
 Только жаль мне своей калены стрелы...» (95).

⁷ Там же. Стб. 1497 и 1512.

⁸ Исторические песни. Баллады / Сост., подгот. текстов, вступит. ст. и примеч. С. Н. Азбелева. М., 1986. С. 342; Русская историческая песня / Вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1987. С. 152. («Б-ка поэта». Большая сер. 3-е изд.).

⁹ В примечаниях к тексту сводной академической антологии «Исторические песни XVII века» (изд. подготовили О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966. С. 353) приведен ряд искажений и правок в публикациях XIX столетия, но необходимая, а не просто правомерная, на наш взгляд, «шириночка» оказалась в списке сомнительных и недопустимых замен, совершенных П. А. Бессоновым на исходе 1860-х гг., то есть гораздо позже Ф. И. Буслаева.

По этому поводу авторы лучшей былинной антологии, усмотревшие в картине непоследовательность фиксации действий героини, так прокомментировали ее: «В результате ошибки певца или переписчика здесь перепутаны строчки. По смыслу порядок стихов должен быть такой:

Вытягала лук за ухо;
Спела тетивка у туга лука,
Звyla да пошла каленá стрела,
Угодила в сыр крековистой дуб;
Хлестнет по сыру дубу,
Поломала его в черенья ножевые.
И Владимир-князь окарачь напoлзался, и т. д.»¹⁰

Чуть позже, в 1962 г., на страницах фундаментальной «Текстологии» тот же фрагмент цитированного текста стал предметом внимания Д. С. Лихачева.

Автор «Текстологии» также предложил свое толкование былинного отрывка, в котором вполне возможно было усмотреть «ошибку памяти», требовавшую перемещения стихов (даже только одного стиха) в соответствии с логикой воинских действий:

«Типичная ошибка памяти — это перестановка в тексте слов и целых групп слов (если, разумеется, эта перестановка не диктуется соображениями стилистическими или стремлением изменить смысл текста). Случайными перестановками слов, пропусками и вставками малозначительных слов (например, в некоторых случаях союза «и»), подменами слов их синонимами (...) пестрят тексты древнерусских произведений. Приведу только один пример такой перестановки, но она касается перестановки целой строки в былинe о Ставре, включенной в Сборник Киpши Данилова:

Вытягала лук за ухо,
Хлестнет по сыру дубу,
Изломала ево в черенья ножевые,
Спела тетивка у туга лука.

По-видимому, последняя строка должна быть помещена после первой. Перестановка в данном случае — результат ошибки памяти, затем исправленной (память писца, пропустив строку, затем, в порядке восстановления ошибки, поместила эту строку ниже)».¹¹

На наш взгляд, для того, чтобы уяснить характер странного с точки зрения литературного восприятия фольклорного текста, надoбно отрешиться от литературного его осмысления. А для этого прежде всего требуется оценить текст шлифуемого учеными отрывка в контексте целого Сборника Киpши Данилова, который, по всем вероятиям, отражал репертуар одной личности исполнителя фольклорного репертуара и обладает кругом многочисленных реминисценций, перенесений, общих мест, фразеологических подoбoй и клише «авторизовавшего» произведения исполнителя-импровизатора.

Оказывается, в Сборнике Киpши Данилова есть еще подобные описания стрельбы из лука.

Вот с каким картинным ходом действия встречается читатель былинного текста, озаглавленного «О женитьбе князя Владимира»:

¹⁰ Былины: В 2 т. / Подгот. текста, вступит. ст. и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958. Т. 2. С. 468—469.

¹¹ Лихачев Д. С.: Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. С. 73.

Молоды Дунай он догадлив был,
 Вымал из налушна тугой лук,
 Из колчана вынул калену стрелу,
 А и вытянул лук за ухо,
 Калену стрелу, котора стрела семи четвертей.
 Хлес(т)нет он, Дунай, по сыру дубу,
 А спела ведь тетивка у туга лука,
 А дрогнет матушка-сыра земля
 От тово удару богатырскова,
 Угодила стрела в сыр крековистой дуб,
 Изломала ево в черенья ножевыя... (74).

Не менее показательна картина из текста «О станишниках или разбойниках»:

Вы(мал) он из налушна крепкой лук,
 Вынимал он ведь стрелку каленую,
 Он стреляет не по станишникам, —
 Стреляет он, старой, по сыру дубу.
 А спела тетивка у туга лука,
 Станишники с коней попадали,
 Угодила стрела в сыр кряковистой дуб,
 Изломала в черенья в ножевыя дуб.
 От тово-та ведь грому богатырскова,
 Тово-та станишники испужались,
 А и пять оне часов без ума лежат,
 А и будто ото сна сами пробужаются... (288—289).

Согласно принятой А. П. Евгеньевой и уточненной Е. И. Дергачевой-Скоп распределенности почерков, которыми написана рукопись Сборника Кириши Данилова, былина «О женитьбе князя Владимира» в цитированной части написана 1-м почерком (на бумаге 1780—1781 гг.), былина о Ставре — 4-м (на бумаге 1765 г.), былина «О станишниках или разбойниках» — 3-м (на бумаге 1780—1781 гг.).¹² Стало быть, однородность композиционного строя отрывков невозможно возводить к ошибке писца, если фрагменты трех текстов единообразно передают последовательность стрельбы трех героев из лука. Так ее видел и изображал сказитель былин. А если единообразия нет или оно частично?

Попытаемся заново вчитаться в извлечения из былинных текстов. Наибольшей стройностью обладает последнее.

Вслед за изготовкой к стрельянию (достаётся лук, достаётся стрела) производится выстрел «по сыру дубу». Во время выстрела «спела тетивка», и от одного этого уже валятся с коней разбойные «станишники». Но еще страшнее для них оказывается удар «в сыр кряковистой дуб»: от «грому» станишники лежат «без ума». Запоздалой деталью, как бы относящейся к описанию страха разбойников еще при пении тетивы или во всяком случае более уместной именно там, выглядит стих: «Тово-та станишники испужались...». Налицо некая неслаженность оформления картины, хотя ритмическая и синтаксическая смонтированность данного стиха с предшествующим и последующим абсолютна. Стало быть, перед нами точная фиксация исполнительской редакции отрывка, а не ошибочное смещение какой-то строки переписчиком. Из этого следует, что певец фиксировал два впечатления звуковых (пение тетивы, гром от удара стрелы в могучее дерево) и зрительное (разлом дуба на «черенья ножевыя»).

¹² Суммирование данных см. в статье: Горелов А. А. Диффузия элементов устнопоэтической техники в Сборнике Кириши Данилова // Русский фольклор. Т. 14. Проблемы художественной формы. Л., 1974. С. 200—201.

Теперь оглянемся на фрагмент былины «О женитьбе князя Владимира». Там исполнитель былины, описав вынимание лука и стрелы Дунаем, сразу сообщает, словно бы отразив скорость следующего действия, что богатырь хлестнул «по сыру дубу». Однако стремительность полета стушевала само сопутствующее выстрелу звуковое его «сопровождение» и результат, поэтому сказитель былины как бы возвращается назад для подробного слухового и зримого повтора промелькнувшего кадра: он говорит, что «спела ... титивка», что от удара в дерево дрогнула земля; он не может миновать потрясающего описания разрушения «сыра крековиста дуба» на «черенья ножевые». Последняя конкретность для своего введения в произведение вынуждает певца разделять, расчленять и не только повторять, но по существу даже утраивать одномоментные следствия выстрела: в былине говорится, что богатырь хлестнул по дубу, а в конце фрагмента (как будто окольцовывая его композиционным обручем) опять дублируется прежде произнесенное — возникает стих: «Угодила стрела в сыр крековистой дуб». Если посчитать, что певец строго точен в изображении стрельбы, при которой звук запаздывает за полетом стрелы (оттого пение тетивы слышится после того, как стрела поразила дерево), то и в этом случае перед нами попытка решения устно-импровизационными средствами весьма сложной художественной задачи, при которой автор-исполнитель традиционного фольклорного произведения, блюдя требования канона (то есть будучи обязан использовать впечатляющие детали-подробности, выработанные культурой устно-поэтического запечатления действий средневекового воина), сопрягает в едином блоке типические обороты, без коих былина многое бы утратила. Очевидно, что «подгонка» друг к другу таких оборотов не могла вершиться без определенных отличий от того, как это происходит в формах литературы: в фольклорном импровизируемом произведении, записанном даже от выдающихся исполнителей (а именно таков был человек, которого мы именуем Киршей Даниловым), «швы» виднее, «очезримее». Вот почему на них обратили внимание В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, Д. С. Лихачев, читая былинку про Ставра из «Древних российских стихотворений», существование которых в виде компактной народной книги настраивает невольно на книжно-литературное восприятие элементов текста.

Действительно: не та ли самая фольклорная стереотипность видится в тексте о Ставре, если его оценить с позиций «внутреннего комментария», заключенного в вариантных описаниях выстрела, только что рассмотренных?..

Композиция фрагмента сохраняется в главном.

Вначале достается богатыршей Василисой Микулишной стрела, затем лук (тут действует женщина, и, возможно, оттого последовательность изменена по сравнению с предшествующими разобранными отрывками), и тотчас сообщается об ударе стрелы в дуб («хлес[т]нет») и сразу же — что удар раскрошил его «в черенья ножевые». Подобно тому как это было в былине про Илью Муромца и «станишников», уже пение «титивки» вызывает ужас и падение наземь князя Владимира и его богатырской свиты. А далее, как это мы видели в текстах-аналогах (но уже вторично для данного текста), извещается о том, что дерево растрошилось «в черенья ножевые», и эта деталь связывается с неотторжимым от нее в текстах-подобиях подробностями о том, что стрела «угоди́ла в сыр крековистой дуб», которые при первом упоминании об ударе в дуб, пятью-шестью стихами ранее, отсутствовали. Как будто бы певчески-авторское сознание «затирало» пометку, допущенную и отмеченную мысленно прежде. Но здесь же возникла и прямая «привязка» к дальнейшему продвижению действия в речи Василисы Микулишной, также поминающей в только что отзвучавшей форме исполинский дуб:

И говорил посол (переодетая жена Ставра. — А. Г.) таково слово:
 «Не жаль мне сыра дуба крековистова,
 Только жаль мне своей калены стрелы...» (95)

Таким образом, приходится оспорить тезис об ошибке переписчика текста, о перестановке строк, не имеющей певческой мотивации. Певец действительно неловко изложил эпизод, но в последовательности внутренней есть опора на присущие его сознанию сращения стихов, стилистических компонентов, которые как бы восстают против предлагаемых перестроек отрывка. Примеры не вполне органических сочетаний элементов поэтической фразеологии внутри Сборника Кирши Данилова могут быть количественно умножены, их необходимо регистрировать, но из этого не следует, что они могут, а тем более должны, вести к перестановкам стиховых строк, не совпадавших с писавшимся вплотную (прозой) оригиналом дошедшей до нас рукописи (см. в цитируемом издании Сборника Кирши Данилова с. 577, 578, 581, 583, 585).

* * *

Помимо указанных нашими предшественниками по исследованию книги «Древние российские стихотворения» вероятных описок и обмолвок, сохранных текстами произведений, следует ввести в этот же круг ряд выявленных нами случаев, либо в конечном счете, либо же непосредственно добавляющих новые штрихи к истории Сборника Кирши Данилова или к представлению о репертуарной его основе. В этой связи прежде могут быть намечены некоторые книжные параллели к Сборнику, хотя книжность эта нередко будет иметь характер «низовой» (демократический), родственной стиливой физиономии «Древних российских стихотворений».

В Сборнике Кирши Данилова текст № 67 (при условии обозначения как № 55-а песни «Во зеленом садочку») открывается стихами:

А статью почитать, статью сказывать:
 А и города все, пригородья все,
 Малую деревню — и ту спомануть (287).

Зачин поддержан заглавием, которое, как все заголовки Сборника, добавлялось к ранее написанному тексту произведения, подчас неточно отражая его содержание, а в этом разе дублируя первый стих: «Стать почитать, статью сказывать» (287).

Письменная фиксация исполнительского текста выглядит безупречно, что подчеркнуто рифмованностью глаголов. Кажется, что второе слово передано достоверно, потому что «почитать» может быть интерпретировано как «считать, перечислять, почтить называнием в некоем ряду», о чем как будто свидетельствует высказанное далее намерение певца «спомануть» даже «малую деревню». В этой огромной непристойной скоморошине, которая сплывала массу мелких припевов, географический акцент, обещание некоего перечня не получает, однако, убедительной реализации. В нем встречаем:

А в Нижнем славном Нове-городе, на перегорожье...
 А был я на Волме, на Волме-горах... (287),
 А у нас на Дону... (501),
 А два старика шли из Астрахани... (502),
 Из-за Волги-реки ... волком тлывет... (503),
 А и поп попа ... да в Новый город пошол... (503),
 Пришол с Москвы... (504).

8 географических названий (если учесть и повтор топонима «Волма-горы», указывающего на местность к востоку от Ильмень-озера) на текст,

имеющий более 1200 слов, — слишком мало, чтобы принимать за верное понимание глагола «почитать» в указанном семантическом ключе.

И оказывается, что в XIX в. такое сомнение было практически высказано В. И. Далем в его «Пословицах русского народа». В разделе «Начало—коонец» своего собрания он поместил зачинную формулу песни Сборника Кирши Данилова со своим пояснением, по-иному, нежели видим дважды в Сборнике, трактующим его смысл: «*Стать починать — стать сказывать* (т. е. надо начинать дело)». ¹³ Знаком ли был Даль с оригиналом «Древних российских стихотворений», неизвестно, но в безусловно известном ему издании 1818 г. К. Ф. Калайдович дважды упомянул «пиэсу» «Стать почитать, стать сказывать». ¹⁴

Для окончательного склонения в пользу чтения В. И. Даля важный довод предлагает текст из певческого Сборника XVII в., в котором читателем XVIII в. помещена была запись, родственная по своему духу Кирше Данилову:

«*Стати писати, пера попытати:*
не тупо ли перо, не дрожит ли рука,
не сфербят ли бока, не хотят ли красного батога?
Ай люли, ай лүшенки мои —
бойтеся Бога!». ¹⁵

Из этого вытекает, что в Сборнике Кирши Данилова наиболее вероятно наличие писарской ошибки в тексте песни № 67 и, как следствие ее, — в заглавии.

Усть-Цилемский сборник не только синонимически варьирует начало песни Кирши Данилова, но и предлагает вариант тем более убеждающий, что в записи канцеляриста выдержана последовательность толкования зачина, которой недостает в тексте Сборника Кирши Данилова, но которую сказитель должен был подавать точно так, как ее слышали в народе Даль и безымянный канцелярист.

* * *

Нам уже приходилось писать по поводу того, что «Голубиная книга» в редакции «Древних российских стихотворений» содержит в концовке серьезное религиозно-политическое двусмыслие, с которым перекликается один из уникальных для сюжета мотивов — бой единорога со львом за то, чтобы быть царем звериного царства. ¹⁶ Тем не менее в предыдущей статье более чем скупой был представлен сравнительный материал. Позволим себе его несколько расширить.

В «Голубиной книге» значительное место занимает не только народная философско-космогоническая концепция, но и ее связь с концепцией иерархического построения мировой жизни, где природное и социальное

¹³ Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. М., 1957. С. 495. Ср.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 3. С. 370.

¹⁴ Древняя российская стихотворения, собранные Киршею Даниловым... М., 1818. С. ХХІХ, ХХХІІ.

¹⁵ Дрeвлехранилище ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собр., № 180, л. 210. Ср. в рукописи «Девгениева деяния» (ГПБ, Погодинск. собр., № 1773, л. 340 об.) надпись читателя (владельца) 1793 г.: «Стати писати, пера попытати, / Не тупо ли перо, не дрожат (так!) ли рука, / Не болит ли голова, не выпить ли чары вина...» (Колгурина Н. И. К изучению состава сборника, содержащего повесть о Горе-Злочастии // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 201).

¹⁶ Горелов А. А. Диффузия устнопоэтической техники в Сборнике Кирши Данилова. С. 192, 184.

должны образовывать единство и где, между прочим, определенным звеном является «царство Московское».

Обладающий «стародавней памятью» премудрый царь «Давыд Евсеевич» на вопрошение «сорока царей со царевичем», «сорока королей с королевичем», «сорока калик со каликою» и «всех сильных-могучих богатырей» отвечает о началах мировых стихий так: превыше всего небесный царь («над царями царь») Иисус Христос, морям отец — океан, рыбам мать — кит (а «на семи китах земля основана»), рекам мать — Ердань, горам мать — Сион, древам отец — кипарис, травам мать — плакун-трава, зверям отец — единорог, градам отец — Ерусалим. Возвышение, верховенство над существами, явлениями своей стихии дает во всех почти случаях причастность к христианской истории, участие в жизни и смерти Христа. Ердань-река имеет ореол крестительницы Христа. Сион изобилует кипарисом — деревом распятия Христа. Плакун-травой утирала слезы Богородица. Ерусалим — град распятия Христова. Видимо, именование кита рыбой тоже воссоединило его с христианской символикой.¹⁷ И особое символическое значение открывается материалами по древнерусской культуре за единорогом, также влекущее этот мифологический образ в христианское русло.¹⁸

Движение Ермака в Сибирь осенялось двумя кумачными знаменами, на которых изображались лев и единорог.¹⁹ Уже в 1644 г. печать Красноярского острога имела в своем поле символическое изображение единорога.²⁰ Несмотря на противоречия в толковании образа,²¹ в этом толковании — с опорой на Псалтирь — утверждается общее средневековым Европой и переходящее на Русь понимание изображения как иносказательного воплощения Христа.²²

Лев — фигура не менее укорененная в русской культурно-идеологической почве, олицетворявшая и силу, и власть. Однако в истолкованиях Псалтири лев — начало, враждебное православию. Символический круг с зверями и царствами из Толкового Апокалипсиса XVI в. изображал в графической фигуре льва не более и не менее как царство Вавилонское: «...им же обладает Антихрист, яко Римский Царь».²³ Лев — первый по мощи зверь, но старообрядчество считало, что «первый зверь» — Сатана.²⁴

Всматриваясь в рисуемую «Голубиной книгой» из «Древних российских стихотворений» нетипичную для прочих вариантов данного духовного стиха картину борьбы единорога со львом-зверем, мы констатируем замену обычного мотива борьбы двух зверей (в частности, зайцев) или юношей, что в свою очередь является параллелью к борьбе Правды и Кривды.

Но у Кириши Данилова символизм и заместительный смысл картины выдержаны далеко не полностью, ибо две трактовки единорога не вполне разведены в изображении.

¹⁷ Христос, по Евангелию от Иоанна, наделял голодных рыбой (21, 13), апостолы Петр, Фома, Нафанаил и другие ученики Христа занимались рыболовством. См. также данные о метафоризации имени «Иисус Христос» (Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. 2-е изд. М., 1988. Т. 2. С. 393).

¹⁸ Мифы народов мира. Т. 1. С. 429.

¹⁹ Вельтман А. Московская оружейная палата. 2-е изд. М., 1860. С. 235. Ср. также: Соболева Н. А. Старинные гербы российских городов. М., 1985. С. 332.

²⁰ Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981. С. 169, 205.

²¹ Там же. С. 164—165.

²² Там же. С. 165; Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. М., 1983. С. 103.

²³ Сочинения Ф. И. Буслаева. Соч. по археологии и истории искусства. СПб., 1910. Т. 2. С. 322 (ср. с. 323).

²⁴ Юзов И. Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане. СПб., 1881. С. 27.

В тексте сообщается, что единорог — «всем зверям отец» — скрытно «ходит... под землею», но его не держат «горы каменные», «реки быстрыя». Когда же он является «из сырой земли», он схватывается «со львом во чистом поле... драться», дабы «над всеми зверями взять большинство» (274).

Победа остается за «львом-зверем», хотя «единорог всем зверям отец»: «покоряется он... а и лев подписан — царем ему быть» (274).

Неожиданная деталь — несколько игривая и, вероятно, восходящая к неизвестным нам изображениям льва (скажем, иллюстрациям из какой-либо лицевой рукописи или геральдической фигуре), виденным певцом-исполнителем, прерывает вдруг серьезное течение мыслей:

... А и хвост у него колечиком (274).

Этот неожиданный штрих, завершающий едва ли не апокалиптическое столкновение единорога и льва, вновь сменяется мерной строгой речью Давыда Евсеевича: от его имени звучит рассказ и о «нагой-птице», которая мать всем птицам, и о Ерусалиме, распятии Христа.

Все же переложение картины мироздания разрешается ударной и какой-то иступленно-откровенной концовкой, где в голосе Кирши Данилова прорвалось нечто до поры скрывавшееся, но нескрываяемо-кричащее, кровоточащее:

... Иисус Христос, сам небесной царь,
Опричь царства Московского (274).

Как и в случае одоления единорога львом, «Иисус Христос», то есть «над царями царь» (273), оказывается отстранен от естественно принадлежащей ему власти — верховенства над царством Московским.

Кто же царит в Московии?.. Вопрос остается без прямого ответа, но аналогия-схватка между единорогом и львом — языком иносказания досказывает невысказанное.

Из литературы о русских старообрядцах известно, сколь энергично протестовали они против нововведений Петра I, отставившего даже институт патриаршества. Именование первого императора Антихристом и России царством победившего Антихриста входит в многообразную религиозно-еретическую литературу. Один из протестующих документов так говорил о Петре: «...всяя злобы и воли сатанины исполнитель, вознесся и возвысился паче всякого глаголемого бога»; «Лжехристос», который узаконил самовластие, «восхитив на себя не точию царскую власть, но и святительскую и Божию»; «самовластный пастырь, едина безглавная глава надо всеми, противник Христов, Антихрист».²⁵

Челобитная раскольников-поповцев имела строки, прямо ассоциируемые с образной тканью и концовочным утверждением из «Голубиной книги» редакции Кирши Данилова: «О управлении церковном ведомо всем, что единая глава святой церкви есть Господь Иисус Христос; а в своде законов русском сказано, что глава церкви всероссийской естъ Император Российский».²⁶

Аналогии в данном эпизоде побуждают рассматривать «Древние российские стихотворения» как явление не только высокого историко-фольклорного значения, но и специфически значащего идеологического порядка. Оно вписывается своим текстовым содержанием в круг памятников культуры, сродных русскому старообрядчеству. Поздние хранители скоморошьяго наследства оставались стойкими не только в сохранении искусства с особой

²⁵ Там же. С. 25—26..

²⁶ Там же. С. 54.

окраской, но и древлеотеческих верований. И если в Сборнике нет отрицательного отношения к Петру, то в нем есть достаточно критическое — по простонародной мере этого понятия — отношение к внутреннему укладу русской жизни, при всем фольклорном мажоре и полнокровности ощущения бытия.

Для урало-сибирской среды возникновения Сборника была типична неистребимая приверженность «кержацкому» духу.

* * *

Об известном религиозном уклонении от церковной ортодоксии при твердом следовании обычаям отцов можно говорить, и обращая внимание на внеканоничность некоторых наименований предметов культа, сохраненную в народе и тогда, когда против нее оказалось церковное декретирование православия.

Известно, что церковный собор 1667 г., то есть примерно за столетие до возникновения оригинала Сборника Кириши Данилова, в ряду языческих (еретических) отступлений масс от религиозной нормы осудил название икон словом «бог»: «...не искуснии людие своя си иконы боги своя именуют, чесо ради явствуются не знати единства Божия»; это есть не что иное, как «многобожие», которое надлежит «непщевати». ²⁷ В XVIII столетии у исповеди мирян спрашивали: «Образы святые богами не называешь ли?». ²⁸

На сей счет в «Древних российских стихотворениях» существует вполне свободное от соборной опеки, традиционное народное мнение. Кириша Данилов употребляет именно запрещенное, отреченно-осужденное клирками слово:

У Спаса к обедне звонят,
У прихода часы говорят,
По монастырям благовестят.
Теща к обедни спешит...
Все боги теща прошла,
А зашод-та — Николе челом,
А Николе Месницкому (276—277; ср. 278).

Для него иконы и «боги» едины суть. И это при всем почитании церковности как национальной культовой формы:

Влажил Бог желанье в ретиво сер(д)це:
А и шод Садко, Божей храм соорудил
А и во имя Стефана-архидьякона,
Кресты, маковицы золотом золотил,
Он местны иконы изукрашеввал,
Изукрашеввал иконы, чистым земчугом усадил,
Царские двери вызолачевал.
...Шед Садко, Божей храм соорудил
А и во имя Сафеи Премудрыя...
...Шед Садко, Божей храм соорудил
Во имя Николы Можайскова... (188, 189).

Налицо сочувствие живому душевному порыву, уважение истовости внутреннего благочестия, которое не имеет ничего общего с навязанной внешней обрядностью, с легитимированием того, а не иного образа мысли. И оттого в Сборнике рядом с высокой нотой в описании веры былинных

²⁷ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 118—119.

²⁸ Там же. С. 119.

героев встречается осмеивающе-глумливый тон при упоминании служителей церкви (особенно в эротических песнях «Свиньи хрю», «Стать почитать»), молодых прохвостов-ханжей — «ребят десятильниковых» («Из монастыря Боголюбова старец Игренищю») и т. д....

* * *

За последние десятилетия Сборник Кирши Данилова приобретает все больше исследователей, открывающих новые, сразу не схватываемые взглядом подробности текстов, из которых только и может сложиться общеприемлемая версия происхождения и концепция исторической жизни уникального памятника. Эта литература заслуживает специальной оценки, специального обзора. Но, несмотря на то, что еще остаются вне решения такие сложные, но и первостепенно значимые задачи, как создание словаря «Древних российских стихотворений» — а без этого (на нашем опыте это частично уже подтвердилось) трудно избежать недоразумений, недопониманий даже вполне разъяснившихся фактов, — в осмыслении Сборника Кирши Данилова есть движение. Неотложная работа фольклористики — новое издание книги на базе новых разысканий и вместе со словарем Сборника.